

"ВЕЛ СЕБЯ КАК ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ И МУЧЕНИК"

*Соломону Цирель-Спринцону:
In memoriam*

О, юный праведник, избранник роковой...
Пушкин

Трех любимых Ольгой Арбениной людей убила (язык не поворачивается назвать потаенное убийство казнью) советская власть - Леонида Каннегисера, Николая Гумилева, Юрия Юркуна. Из долгих, часто за полночь бесед с Ольгой Николаевной в ее комнатке над аркой католической церкви св. Екатерины на Невском я вынес твердое убеждение, что, будучи верной памяти всех троих, наибольшее чувство она продолжала испытывать к Лёне (Лёве), с которым у нее "и романа даже не было" (ее слова по какому-то другому поводу).

Имя Леонида Иоакимовича Каннегисера (1896- 1918) достаточно известно для того, чтобы я мог не останавливаться на биографии этой яркой героической личности. Его памяти был посвящен "венок" - сборник, составленный его друзьями к 10-летию гибели убийцы председателя петроградской ЧК Урицкого (Леонид Каннегисер: Статьи Г. Адамовича, М. А. Алданова, Г. Иванова. - Париж, 1928). Читатель в России смог познакомиться со статьей М. А. Алданова из этого сборника по публикации в журнале "Наш современник" (М., 1990. - № 2). В статье Алданова приводятся немало фактов, характеризующих жизнь и личность Леонида Каннегисера, но, думается, известный исторический беллетрист слишком увлекся "защитой" акта 30 августа 1918 года. Для него это политическое убийство, требующее разъяснения и оправдания в глазах "просвещенной публики". Между тем, выстрел Леонида Каннегисера прямого отношения к политике не имеет. В нем мы имеем дело с проявившим себя "моралитетом инстинкта", протестующим против попрания человеческих и Божеских законов, тем порывом к "удовлетворению нравственного чувства" (Достоевский), по поводу отсутствия которого в русском обществе сокрушался Розанов, говоря о процессе первомайцев. Поэтому поражают своей плоскостью (если они переданы аутентично женой) слова О. Мандельштама: "Кто поставил его судьей..." А он и не судил, он "вел себя как истинный герой и мученик", этот "юный праведник, избранник роковой". Его поступок сродни деяниям героев античной трагедии, которые не могли, подобно софокловской Антигоне, поступить иначе и с которыми никогда не сопоставишь "политических убийц" Гриневецкого, Каляева или Савинкова.

Не антикоммунизм, как полагал Т. Манн, а сотрудничество с коммунизмом является главной глупостью XX века. Сейчас, на самом исходе столетия, можно категорически заявить, что только "отказ в повиновении" (Жионо) мог спасти душу от растления. Попытки "принять", "оправдать", "сотрудничать" (при той или иной степени внутреннего несогласия) не только вели в духовный тупик, но нередко кончались смертью при загадочных обстоятельствах (Есенин, Маяковский, Горький). Мы знаем, как погиб Леонид Каннегисер. Наверное, мы никогда не узнаем, как погиб Сергей Есенин, на опасное расстояние приближавшийся к некоторым советским опричникам. Тень "последнего поэта деревни" мелькнет на страницах мемуаров Арбениной. Она не была свидетельницей его кратковременной страстной дружбы с "Лёней" (свидетельством ее остались письма, опубликованные в "Нашем современнике", № 10, 1990, и несравненный "Нездешний вечер" Марины Цветаевой, в разъяснение к которому, по просьбе литературоведа Виктории Швейцер, написаны заметки Арбениной). Может быть, поэтому она не обратила внимания на измену Есенина памяти этой дружбы. В 1925 году, когда "все уже было

Саперный переулок, 10

ясно", Есенин написал в "Анне Снегиной" слова, которые иначе, как костью, брошенной большевикам, не назовешь:

Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.

Строки эти были парафразой-шаржем строк из стихотворения его замученного большевиками друга:

Я вспомню - Россия, Свобода,
Керенский на белом коне.

Что же - Есенин "изменял и многому, и многим". В конце концов, может быть, действительно, биография поэта это его стихи. Но ведь невозможно забыть, что написавший: "не расстреливал несчастных по темницам" ходил в подвалы ЧК в сопровождении Блюмкина смотреть, как их расстреливают. Это ли не худшая из измен - себе, Лене, "Богу в душе".

Две судьбы. Два выбора. "Леня" и "Сережа". "Декадент", сын "лорда", директора Николаевских кораблестроительных верфей, и "сын народа". О "сыне народа" написано немало. Будем благодарны Ольге Арбениной за "декадента". "Так пишут только, когда любят", как говаривал Константин Коровин.

1995 г. Нюрнберг

Ольга Арбенина Саперный, 10

Марине Ивановне Цветаевой (на тот свет)
Вике - вместо Марины, на этом!

Дом существует. На доме (на крыше) какая-то архитектурная деталь. Креститься на дом нельзя - это не церковь. Перекрестить его можно - пусть существует долго, долго - так как "вечного" ничего на земле нет.

Меня туда мама не пускала, а слышала о нем много. Там бывало очень весело и интересно. В доме жил Лёня (или Лёва - произносилось и так, и так).

Впервые Леню (или Леву) увидела я в квартире Левенстерн, моих знакомых, на Литейном. Был домашний концерт. Мы в прилегающей гостиной познакомились - и втроем уселись разговаривать. Неприлично проговорили весь концерт. Меня потом очень ругали. Когда в моей жизни были интересные и памятные дни, это почти всегда было под запретом, и с моей стороны всегда были "срывы" поведения: не то, что положено! Втроем? третий собеседник - Чернявский, Владимир Степанович¹ (потом - Володя), поклонник Блока, который почти сразу с этого дня стал мне звонить, писать и обещал "привести" к Блоку. Больше всего и говорил он тогда. Леня говорил немного, сидел спиной к окну; все - за круглым столом; за стеной - шел концерт.

Володя Ч. говорил о Блоке, притягивая мой интерес чем-то взятым из роли Бертрона перед пустельгой Изорой - из "Розы и Креста". Лева говорил немного, я мало смотрела в его сторону, но от его египетских глаз шли - для меня - горячие волны - как будто открыли дверь в оранжерею.

Сестры Левенстерн - будущие владельцы музыкальной школы - знали семью К., и от них я узнала многие подробности. В квартире К.² бывали любительские спектакли, и мою старшую сестру Марусю приглашали играть в Блоковской пьесе "Балаганчик". Сестра училась в театральной школе, но она предпочитала Чеховский и более реальный репертуар, а к "декадентам" была равнодушна. Потом она полюбила всех поэтов, которых надо было любить, но я, младшая, была пионеркой. Вместо сестры "играть" туда пошла ее

подруга детства, Мими* (тоже из театральной школы, но другой). Помню, какой интересный костюм подготовила Мими для "второй пары влюбленных" (т. е. демонической). Мими была очень хорошенькая, смуглая брюнетка, и многих "там" очаровала. Я о ней пишу потому, что наши судьбы связаны с квартирой К.

Из известных мне (тогда) людей в "Балаганчике" играл К. Ландау³ (3-я пара, "Средневековье"). Он был высоченный. Лева никогда не играл.

Второй спектакль (годов не помню!) был "Как важно быть серьезным" Уайльда и "Дон Жуан в Египте" Гумилева. Джека играл Сергей Акимович (т. е. Сережа), Гвендолен - их сестра, Loulou⁴, Альджернона - Никс Бальмонт⁵, и Сэсили - Мими. Сэсили - моя будущая роль в театре!

Мими играла Американку в "Дон Жуане", а самого Дон Жуана - Чернявский. (Обладатель самого красивого голоса на свете. Это мое мнение подтвердили потом Антон Шварц и Дм. Журавлев⁶, вспоминая потом (в разное время) этот голос и этого человека. Ч. работал на радио. Все пластинки с Лермонтовым и Блоком во время войны были уничтожены.)

Леонид Каннегисер

Я в то время усиленно училась и мало где бывала. Но был один вечер, когда я видала всех трех. Лева был во фраке, с белым цветком в петлице, и они стояли рядом с Никсом Бальмонтом (рыжий, с фарфоровым розоватым лицом, зеленоглазый, и на лице - нервный тик! прелесть, для моего, вероятно, извращенного вкуса!). Никса в университете звали "Дорианом Греем". Никс говорил своей сводной сестре Ане Энгельгардт⁷, что, вероятно, такой, как я, была бы его покойная сестра, Ариадна (Бальмонт); меня потом часто путали с Аней, хотя она была смуглее, темнее и, по-моему, много красивей.

Елизавета Каннегисер

Помню стихи Лёвы, прочитанные мне:

Я падаю лозой надрубленной,
Надрубленной серпом искусным...
Я не любим моей возлюбленной,
Но не хочу казаться грустным...

Мне это очень понравилось, но как можно было не любить подобного человека?

Аня насплетничала, что стихи можно читать и так: "Я падаю стеблем надрубленным" и т. д.** Я тоже не смутилась!

Я не соглашаюсь с впечатлением Марины Цветаевой о "хрупкости" Лёвы. Он был высокий, стройный, но отнюдь не хрупкий. Слегка кривлялся? Слегка, да. Глаза - черные, в черных ресницах. Как-то говорил мне, что очень любит "Красное и черное" Стендаля. Я еще не читала тогда. Стендаль (до Пруста) был тогда в моде.

Он одевался всегда *comme il faut*. Кроме фрака (когда он был нужен), очень строго. Никакой экстравагантности, никакой театральности. Театральность (байронизм) был в самом лице. Иногда он слегка насмешничал. Не обидно, слегка. Иногда в его голосе была какая-то вкрадчивость. Думаю, так бывает у экзотических послгов, одетых по-европейски.

Руки - сильные, горячие, и доказал он, что может владеть не только книжкой или цветком...

Чтобы не возвращаться к стихам Лёвы, скажу, что стихи его (и одновременно, Гумилевские военные) прочла в личной библиотеке Николая II⁸, когда работала одно время в Эрмитаже. Что-то о цветах св. Франциска. Юра⁹ мне говорил, что, после смерти Лёвы, Юрина мать¹⁰, очень верующая католичка, сказала про Лёву, с благоговением: "Он был почти католик!"

... Это уже когда шла война... Я как-то по просьбе Левы продавала ромашки в пользу раненых - но порога дома его не переступала. Вспоминаю редкие и осенью и ранней весной наши встречи с Левой, когда мы "бегали" по улицам или ездили на извозчике. Он успел объясниться мне в любви и даже сделал предложение, сказав, что хочет креститься... Я не очень-то верила, но я была всегда рада его видеть - черноглазую его красоту - и слышать его глубокий и мягкий голос. Один раз мы стучали в комнату Юры на Потемкинской (я Юру не знала), - но Юры не было дома. Мы с Левой сидели на скамейке в Таврическом саду. Она существует - скамейка - и теперь.

Лева учился в Политехническом институте¹¹ - но я даже в Сосновке - ни тогда, ни теперь - не была.

Я должна была учиться "до обмороков", и дни были "набиты" учебой.

Чаще я видела Сергея (Сережу). Чем он занимался, я не знала. Он был плотный, недурен собой, но без всякого романтизма. Бывал он в гостях: у Мими, которая вышла замуж (это мои знакомые с детства). Да и Сережа женился - уже тут на настоящей красавице, которую звали Наташей Цесарской. Я ее в глаза не видала, только на карточке. У меня была карточка: в "подвале" у К. Ландау (на Фонтанке). Вероятно, было в моде нанимать подвалы под "гарсоньерки". Я в этом подвале как-то была - пила чай. На этой карточке за круглым столом сидели В. Чернявский, его друг Антон Врангель, две дамы: Loulou в шапочке с эспри и Н. Цесарская в большой шляпе - и Лева, как будто в политехническом мундире - и с грустным выражением темных глаз. Если где появится такая карточка - так вот, кто на ней!

Сережа покончил с собой весной 17 г. Я в это время раз видала Леву на улице (на Литейном, четная сторона). Он был неузнаваемый, весь распух от слез. Он меня не видел, и я его не остановила.

История непонятная. Зачем он это сделал? И зачем впутал бедную Мими? Я ей вполне верю. Она всегда отрицала близкие отношения с Сережей. Она была у него в гостях. Сидела в его комнате. Без объяснений - вдруг, он велел ей отвернуться - и послышался выстрел.

Я видала - спустя годы - Мими жила в Москве - окровавленный большой платок, которым Мими старалась остановить кровь у упавшего Сережи - сразу мертвого. Помимо ужаса и горя, ей было страшно объяснять все родным.

Тут вот я впервые вошла в эту квартиру.

Когда я стала ходить в "гости" (в 1920 г.) после всех горестей, она была уже не та, т. е. я думаю, ее перегородили, уменьшили, не было нарядности, не было лакеев, там нельзя было устраивать спектаклей.

В то время (17 г.) комната, где была панихида, была очень большая, и все было, как, вероятно, положено у евреев¹². По-моему, не было помоста, и я не помню никого из людей и ничего из обряда.

Но я отошла от Цветаевской "летописи".

Люди?

О Кузmine: говорит Цветаева. Значит, так и было. На карточке 16 г. (пропала!) он очень смуглый. Глаза - всегда - очень большие и блестящие. При мне (1920-1921 гг.) очень потух, поседел, постарел. Потом стал очень сильно болеть и слабеть. Юра мне как-то говорил про письмо Цветаевой. При мне "безумно" хвалил Цветаеву и Рильке - Пастернак, когда был в гостях у Кузмина и Юры¹³. Стихи "Нездешние вечера" у меня украли. Там все стихи, что называет Цветаева, очень сильные. И о Пушкине, и о Гете. Кузмин очень любил Италию - и Германию. Человек с французской кровью - не мечтал о Париже. Больше всего ему нравилась Александрия. Это - в стихах. У него нашлась поклонница - хорошенькая, как гурия, - черноглазая, в черных локонах, по имени Софи¹⁴. Она преподавала русскую литературу в Париже и в Руане - приезжала в Россию и в Финляндию относительно произведений Кузмина. Пришла ко мне спросить о нем -

от А. Н. Савинова, к кому она обратилась. Но моя Юленька¹⁵, счастливая от вида такой парижанки (строгий серый костюм, самой скучной окраски, но с браслетами на руках), почти заняла все время, и я мало что успела ей сказать - я узнала потом, что она в свои каникулы побывала в Александрии и "обегала" все памятные места. Это моему Гумилеву бы такую посмертную поклонницу! К сожалению, она сообщила мне, что Ахматова в Париже как-то очень несимпатично отзывалась о Кузмине¹⁶.

Есенин. Я часто рассказываю об этом - как мои знакомые (Чернявский, Миша Струве¹⁷ и др., не помню, кто еще, но не Никс, не Лева) - улавливались на каком-то концерте со мной повидаться - но я сидела в креслах, с Линой Ивановной¹⁸, и та начала меня дразнить: "у них какая-то барышня в голубой кофточке, блондинка! Они потому тебя не ищут!"

Я, разгневанная дразнением, уже в раздевалке, увидела удивленную моим "непоявлением" компанию и на расспросы объяснила, довольно спокойно. - Они не поняли, а потом засмеялись и привели ко мне представить Есенина. На нем была голубая рубашка. Очень миленький, но это далеко не Никс - антипод по златоволосости черноволосому Лене. Те двое - для моей балетной души были, как принцы из "Спящей". А этот - не мой стиль. Да я и к стихам его была равнодушна. Разве что трогательность к собакам (но и эти стихи бы ли потом). Из русских (про деревню) я предпочитала Клюева.

О том, что Леня дружил с Есениным - узнала только сейчас от Цветаевой! С Есениным дружил Чернявский и Рюрик Ивнев¹⁹ (у меня была фотография их троих).

Мандельштам. Манера читать? М. б., но я как-то иначе помню. Я узнала его в 1920 г.

Жорж Иванов - тоже в 1920 г., критиков не знаю.

К. Ландау (Константин Юлианович). Потом стал режиссером. Женат был сперва на Стефе Банцер, пианистке, любимой ученице Глазунова; потом - на Але Трусевич, актрисе - потом уехали оба.

Оцуп - тоже с 20 г., Ивнев - этот, кажется, еще жив. Городецкого никогда не знала. "Jasmin de Corse"²⁰, как будто, и Кузмин любил эти духи. Юра любил "Violette pourpre"²¹. Вот Леня - не знаю. А пахло от его рук и перчаток - когда он снимал их - замечательно. Это я помню. У меня на руке оставался запах горячей душистой кожи.

Но вот - миновали времена.

Настало время действия - и гибели Лени.

Моя мама (когда пошли слухи) очень волновалась. Но я ведь там не бывала, а телефон - м. б., Леня помнил без книжки? Взяли многих, как заложников. Юру²². Я его тогда не знала. Уводили из камеры. "Через восьмого". Не взяли - Чернявского. Чудо! Взяли другого Ч., тоже Владимира Степановича - и тот погиб. Чернявский - этот- "уезжал" - в эту войну 41 г. Не знаю, куда. Потом его вернули. Он был болен. А. Г. Мовшензон²³ навещал его в больнице. Сказал мне (когда я вернулась с Урала²⁴): "Он стал un peu gaga"²⁵.

Леня - отзыв великого князя Николая Михайловича - "вел себя как истинный герой и мученик". Это он говорил сестре, Loulou.

Родителей и сестру держали в тюрьме, а с великим князем как будто встречались в коридоре. Это была другая тюрьма (как будто! я не могла мучать сестру расспросами), не Дрябкинские казармы, где сидели заложники - и Юра.

Потом их выпустили домой.

Я появилась в их доме в конце 19 или в начале 20 г. С Loulou мы подружились. Она в свое время училась в гимназии Таганцевой, где и Ида Рубинштейн (но та, конечно, старше). Родители были очень добры ко мне. С Loulou я была абсолютно откровенна.

Она поиздевалась над моей дружбой с Гумилевым, находя его очень некрасивым. Случилась дикая история. Г. раздавал всякие лестности кому подвернется. Ленка Д.²⁶ мне сообщила, что одной девице, с которой Г. ужинал и которую звали Мария, стал говорить, что "Машенька" из "Трамвая" - это про нее. Она была дочь известного врача²⁷, знакомого Г. Мне было достаточно, чтобы, согласно моему нраву, прятаться от Г., а когда он меня поймал и стал объясняться, я (истерично, вероятно?) высказалась. Я объяснила причину. Г. "окаменел" в лице и умчался. Эта "Машенька" служила вместе с Леной Д. Пошел туда и

накричал на Машеньку. Так, что та хлопнулась в обморок, тут же, на работе. До меня дошло - очень быстро! Лена торжествовала от такого сюрприза - а я в ужасе (Г. ненавидел скандалы) помчалась к своей Loulou и пустилась в слезы и в крики. Рыдала на весь Саперный. Loulou хохотала надо мной: "Такая хорошенькая девушка, и так рыдать из-за такой..." [обезьяны]²⁸. Но я думала, что сейчас умру!

Я вспоминаю, главное, из-за того, что добрый "лорд" (А. С.), как назвала его Цветаева, подошел ко мне и - просто взяв на руки - стал носить по квартире, пока я не затихла. Я была тронута такой добротой... отца моего Лени... И меня, как дочку.

А с тем мы потом сразу помирились. Где-то на улице. "Не он ко мне, не я к нему..."²⁹ Сперва на улице: "Дурочка моя! и что она со мной делает? И никогда-то мне не верит!"

Уже после того, как умер Г., а я подружилась с Юрой, я продолжала бывать у Loulou. Она и тут неодобрительно относилась. Я ее критики выносила без гнева.

Loulou сбивала муссы и кормила меня. О себе она многое рассказывала. Мне все о сестре Лени было интересно.

Помню свое знакомство (в этой квартире) с Палладой³⁰. Она мне показалась хорошенькой, сидела в большой шляпе.

Но ее рассказ! (Дело на юге России). Как ее брата привязали к ногам лошадей и пустили вскачь... "И вот он мне сказал..." Истерзанный?! Я тогда еще не знала Палладу и обалдела от недоумения.

С некоторых пор начались сборы за границу. Мне было жалко, грустно. М. А. и Юра не выражали огорчений. Но в один раз, что я была без них, случилось вот что. Роза Львовна вдруг стала говорить, чтоб я собиралась с ними. Но как?..

В Л-де были мама, Юра!..

И вдруг я услышала слова (я помнила ее дамой с меховыми палантинами, потом читала ее огромное горе гибели двух сыновей) - слова были мной услышаны, но не сразу дошли до понимания - "Я очень больна, скоро умру. А. С. так любит вас, что немедленно на вас женится".

Я думала, я проваливаюсь в пол. Был ли А. С. тут - не помню. Слыхала ли Loulou? Не дай Бог!.. Но я это помню. Я никому не говорила.

Почему он умер в Варшаве³¹? Ведь они уезжали в Париж! Я получила как-то посылочку от Loulou из Парижа. Что случилось? Что с ним сделали?..

Стихи, получившиеся у меня спустя дикое количество лет.

Бегая по Марсову полю, ранней осенью, на кустарниках были темнокрасные листики и белые ягоды, или бусы.

Декадентский романс - не иначе!

Глаза и рот Тутанхамона,
И голос, бархатный, как ночь.
В петлице млела тубероза***,
Но счастье отлетело прочь.
Конечно, счастьем не служу я,
А он - предтеча страшных бед³².

Но память льет напропалую
Хваленый погребальный бред.
Не Демон - Ангел Чернокрылый,
Он охранял меня во сне...****
А в жизни - руки в час бессилья
Рука убийцы грела мне...

(1977)

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

* Чернова.

** Я падаю стеблем надрубленным,
Надрубленным серпом искусным,
Я не любим моим возлюбленным,
Но не хочу казаться грустным...

*** У меня сохранились хрусталики с платья, которое было у меня, когда в петлице была...

**** Не раз, в очень серьезных снах.

Подготовил текст с рукописи при жизни автора М. В. Толмачев
(примечания * и ** записаны со слов автора).

ПОЯСНЕНИЯ ПУБЛИКАТОРА

¹ Владимир Степанович Чернявский (1879-1948) - поэт и актер, участник Цеха поэтов 1911-1914 гг.; играл в Театре-студии С. Э. Радлова, выступал как художественный чтец; в военные годы был репрессирован; сохранились и были в 80-х годах переизданы записи чтения им Пушкина и Чехова.

² Семья Каннегисеров проживала в квартире 5 по Саперному переулку, 10.

³ Константин Юлианович Ляндау (*здесь*: Ландау) (1890 - 1969) - поэт, театральный критик, режиссер; с начала 1920-х гг. в эмиграции.

⁴ Сергей Иоакимович (Акимович) и Елизавета Иоакимовна ("Loulou"), брат и сестра Л. И. Каннегисера; сохранился инскрипт М. И. Цветаевой Е. И. Каннегисер, содержащий реалии "нездешнего вечера" (см. ниже с. 323).

⁵ Николай Константинович Бальмонт (ум. в 1926 году в Москве), сын К. Д. Бальмонта.

⁶ Антон Исаакович Шварц (1896-1954) и Дмитрий Николаевич Журавлев (1900-1991) - известные художественные чтецы.

⁷ Анна Николаевна Энгельгардт (1895 - зима 1941/1942), дочь Ларисы Михайловны Бальмонт, во втором браке Энгельгардт; ходили слухи, что, рожденная в браке ее матери с Н. А. Энгельгардтом после развода с К. Д. Бальмонтом, она в действительности была дочерью последнего и, таким образом, полной, а не наполовину сестрой "Никса" Бальмонта; в 1918 году стала второй женой Н. С. Гумилева после его развода с А. А. Ахматовой; вместе с дочерью от Гумилева Еленой и родившейся в 20-х годах дочерью Галиной погибла в осаду Ленинграда.

⁸ Согласно статье А. А. Морозова (Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. - 2. - М., 1992. - С. 461), прижизненные публикации оригинальных стихотворений Л. И. Каннегисера имели место в следующих изданиях: "Петроградские вечера" (1915, кн. 4), "Русская мысль" (1915, № 7), "Северные записки" (1916, № 1).

⁹ Юрий Иванович Юркун - см. пояснение 2 к заметкам О. Н. Арбениной "О. А. Глебова-Судейкина".

¹⁰ См. пояснение 6 к заметкам О. Н. Арбениной "Мейерхольд".

¹¹ Императорский Политехнический институт, открытый в 1899 году в тогдашнем пригороде Петербурга Сосновке.

¹² Семья принадлежала к иудейскому вероисповеданию, но ее глава Иоаким (Аким) Самойлович Каннегисер (1860-1930) состоял на государственной службе и имел чин коллежского советника, что являлось исключением для дореволюционной России, вызванным его редкими инженерными способностями.

¹³ Посещение относится к 1922 году; за ним последовало письмо Пастернака Юркуну из Москвы от 14 июня 1922 г. (см.: Вопросы литературы. - М., 1981. - 7. - С. 225-232).

¹⁴ Компаньонка О. Н. Арбениной Юлия Казимировна Полаймо; умерла в 1976 году.

¹⁵ Видимо, речь идет о S. Tchimichkian, публикаторе отрывков из переписки М. А. Кузмина с Г. В. Чичериным (см.: Cahiers du monde russe et soviétique. - P., 1974. - Vol. 15, № 1-2).

¹⁶ См.: Никита Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой // Анна Ахматова. Сочинения. - Т. 2. - Мюнхен, 1968. - С. 340.

¹⁷ Михаил Александрович Струве (1890 - 1948) - поэт, участник 2-го петроградского (послереволюционного) Цеха поэтов; с 1920 года - в эмиграции.

¹⁸ См. пояснение 3 к заметкам О. Н. Арбениной "Мейерхольд".

¹⁹ Настоящая фамилия Михаил Александрович Ковалев (1891 - 1981), поэт и прозаик, выступал с футуристами, но был близок и к М. А. Кузмину, Г. В. Иванову, Г. В. Адамовичу; с марта 1915 года знакомится с Есениным и становится его другом (письма Есенина к нему 1915-1916 годов опубликованы в газете "Новые рубежи", Одинцово Моск. обл., 1987, 1 окт.); в день октябрьского переворота предложил свое сотрудничество советской власти в лице Луначарского; в начале 20-х годов состоял в группе имажинистов; продолжал довольно регулярно печататься в 30-70-х годах; подвергался репрессиям; публиковавшиеся в разное время мемуарные очерки Ивнева сильно деформируют реальные обстоятельства. Рюрик Ивнев и называемые далее поэты О. Мандельштам, Г. Иванов, Н. Оцуп фигурируют в "Нездешнем вечере" Цветаевой, но О. Н. Арбенина отказывается от каких-либо характеристик в их адрес, т. к. узнала их уже после описываемых событий. Упомянутых Цветаевой критиков (Григория Ландау и "Луарсаба Николаевича" Андроникова), как и поэта Сергея Митрофановича Городецкого, Арбенина, как она говорит, не знала.

²⁰ "Корсиканский жасмин" (франц.) - духи, подаренные Цветаевой издателями журнала "Северные записки" Софьей Исааковной Чацкиной и Яковом Львовичем Сакером (дядей Л. И. Каннегисера), дабы "почтить ее любовь к корсиканцу" - Наполеону ("Нездешний вечер").
²¹ "Пурпурная фиалка" (франц.).

²² Юрий Юркун был арестован 31 августа 1918 года, когда, вслед за арестом семьи Леонида Каннегисера, начались аресты постоянных посетителей их дома, которых содержали в течение 4 месяцев в Дерябинских (у О. Н. Арбениной Дерябкинских) казармах на Финском взморье. Семья же Каннегисеров, видимо, находилась во "внутренней" тюрьме на Гороховой, как и упоминаемый далее историк великий князь Николай Михайлович (1859-1919, расстрелян в Петропавловской крепости). Каннегисеры были освобождены не позже 26 декабря 1918 года (дата определяется визитом Розы Львовны Каннегисер-матери к умирающему другу дома революционеру-народнику Г. А. Лопатину, попросившему у нее прощения за гибель сына). М. А. Алданов связывает слова Лопатина с его резкими антибольшевистскими высказываниями, которые, как он решил, могли повлиять на поступок Леонида Каннегисера. Но допустимо думать также, что на смертном одре друг Маркса и бывший узник Шлиссельбурга понял, что его деятельность и деятельность его единомышленников расчистила путь к большевистской диктатуре, одной из жертв которой стал Каннегисер. Содержавшиеся же в Дерябинских казармах составили вместе с другими заключенными контингент заложников, которых расстреливали по списку, каждого десятого, когда объявлялась очередная акция "красного террора" (нашло отражение в стихотворении Кузмина из цикла "Северный веер" сборника "Форель разбивает лед"; при публикации в 1929 году сборника было заменено точками; опубликовано в т. 3 "Собрания стихов" М. А. Кузмина под редакцией Джона Малмстеда и Владимира Маркова, Мюнхен, 1977, с. 695):

Баржи затопили в Кронштадте,
Расстрелян каждый десятый, -
Юрочка, Юрочка мой,
Дай Бог, чтоб вы были восьмой.

Казармы на затопленном взморье.
Прежний, я крикнул бы: "Люди!"
Теперь молюсь в подполье,
Думая о белом чуде.

Юркун был освобожден благодаря ходатайству М. Горького, к которому обратился за помощью Кузмин, 23 ноября 1918 г., хотя некоторых арестованных выпустили уже в сентябре. Впоследствии, находясь в Сорренто, Горький интересовался через В. М. Ходасевич судьбой Кузмина.

²³ Александр Григорьевич Мовшенсон (здесь: Мовшензон) (1895-1965) - ленинградский театровед, знаток творчества итальяно-русского декоратора и живописца-иллюзиониста Пьетро Готтардо Гонзаго (1751-1831), переводчик написанных на французском языке его теоретических сочинений, брат поэтессы Е. Г. Полонской.

²⁴ В мае 1941 года О. Н. Арбенина вместе со своей матерью по приглашению сестры Марии Николаевны Саламатиной уехала из Ленинграда в Нижний Тагил (зять О. Н. Арбениной И. А. Саламатин был актером и режиссером местного театра); на Урале (Нижний Тагил, Ирбит) Арбенина провела военные и первые послевоенные годы, здесь в 1943 году похоронила мать и

только в 1948 году выехала в Москву, откуда, после значительной остановки, переехала в Ленинград. Несомненно, что отъезд на Урал за месяц до начала войны спас Ольгу Николаевну от гибели в осажденном Ленинграде, где умерли ее воспитательница Л. И. Тамм и многие близкие ей люди.

²⁵ Слегка впадшим в детство (*франц.*).

²⁶ Елена Анатольевна Долинова, сестра М. А. Долинова (см. пояснение 3 к заметкам О. Н. Арбениной "О. А. Глебова-Судейкина").

²⁷ Согласно заметкам О. Н. Арбениной о Гумилеве, его фамилия была Ахшарумов, см.: Николай Гумилев: Сб. - СПб., 1994. - С. 444.

²⁸ Устное разъяснение О. Н. Арбениной.

²⁹ Парафраза строки Ахматовой из стихотворения 1943 года "Встреча" ("Восьмая книга", цикл "Новоселье", 4):

Не он ко мне, а я к нему...

³⁰ См. пояснение 16 к заметкам О. Н. Арбениной "О. А. Глебова-Судейкина".

³¹ В 1930 году; возможно, в Варшаву И. С. Каннегисер был приглашен как инженер. Тревога, выражаемая Арбениной, видимо, связана с ее предположениями о гибели Каннегисера в немецкую оккупацию (дата его смерти была ей, очевидно, неизвестна, а время написания "Нездешнего вечера" - 1936 год - не принималось в расчет). В нацистском концлагере окончила жизненный путь Loulou Каннегисер (была схвачена в 1941 г. в неоккупированной Ницце полицейскими «Французского государства» и передана гитлеровцам в Северную зону; вспоминал ли когда-нибудь о ней мерзко нахамивший ей перед войной Иван Бунин?); пережила всех Роза Львовна (умерла в Париже в 1946 г.).

³² Результатом ареста Юркуна в 1918 году была его "подпольная жизнь" в 20-х - начале 30-х годов (при выходе из заключения ему сразу не вернули документы, и он предпочел не приходить за ними в тюрьму вновь и вести полуполегалное существование, в которое, как иногда высказывалась Арбенина, он "втянул" и ее). При паспортизации 1933 года Юркун получил паспорт по свидетельским показаниям и "сразу морально ожил" (В. А. Милашевский). Арест в связи с делом Каннегисера, возможно, сыграл свою роль в приговоре в результате нового ареста Юркуна 3 февраля 1938 года (после визита к нему руководителя писательской организации Ленинграда А. А. Прокофьева), хотя сам арест стоял в цепи так называемого "писательского дела", начавшегося с ареста 16 октября 1937 года поэта Б. К. Лившица, адресата явно провокационных поздравительных новогодних телеграмм писателя-троцкиста Виктора Сержа (Кибальчича), выехавшего в 1935 году из СССР, где он был в ссылке в Оренбурге, при личном участии Г. Г. Ягоды после ходатайства перед Сталиным Ромэна Роллана во время посещения последним Москвы.